

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: региональная безопасность, ОДКБ, СНГ, ШОС, Центральная Азия, США, КНР, Россия

Аннотация: В статье анализируются проблемы безопасности в Центральной Азии. Предметом исследования являются политика государств региона в этой сфере, роль международных организаций и внешних акторов в обеспечении региональной безопасности.

Keywords: regional security, CSTO, CIS, SOC, Central Asia, USA, China, Russia

Abstract: The article addresses security problems in Central Asia. It is focused on security policies of the states of the region and the role of international organizations and external actors in providing regional security.

DOI:10.20542/2307-1494-2016-2-87-100

5 июня 2016 г. в казахстанском городе Актобе произошла вооруженная попытка захвата военной части. В стране был введен режим контртеррористической операции, в ходе которой было уничтожено 18 боевиков. Президент Казахстана Н.Назарбаев назвал их «приверженцами радикальных псевдорелигиозных течений», которые получали «инструкции из-за рубежа».¹ 18 июля было совершено нападение на РОВД г. Алма-Ата, жертвами которого стали 9 человек. Единственный нападавший ранее был осужден и, по словам председателя Комитета национальной безопасности страны, «в колонии сошелся с салафитами».²

30 августа 2016 г. произошел взрыв возле посольства КНР в Бишкеке. Он был произведен террористом-смертником, гражданином Таджикистана, действовавшим по заказу уйгурской террористической группировки.³

Эти события встали в один ряд с терактами во Франции, Германии и Турции, совершенными исламистами тем же летом. События в Казахстане и Кыргызстане заставили, однако, вспомнить, что в Центральной Азии есть собственные источники угроз и трагический опыт столкновения с ними.

Большое значение для региональной безопасности имеют следующие факторы:

- особенности социальной структуры внутри государств Центральной Азии (высокая роль клановых отношений и региональной идентичности на субнациональном уровне);

- неоднородный этнический состав государств (во многом обусловленный сложной структурой границ между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном в Ферганской долине);
- низкий уровень жизни населения трех вышеуказанных стран;
- опасное соседство с Афганистаном, по-прежнему находящимся в состоянии гражданской войны;
- неравномерное распределение водных ресурсов, вызывающее зависимость одних стран региона от других.

Во внешней политике, в том числе в сфере международной безопасности, государства региона исходят из политики многовекторности. Этот подход трактуется экспертами по-разному. Так, А.Д.Богатуров говорит о том, что они «не стремятся участвовать в военном сотрудничестве вне пределов минимально необходимой безопасности» и дозируют по собственному усмотрению сотрудничество с региональными и нерегиональными игроками. Он называет такой подход «отложенным нейтралитетом»: ⁴ посредством такой политики странам Центральной Азии удастся сохранять свой суверенитет, не попадая всецело под влияние одного из крупных акторов. Позиция Д.Б.Малышевой заключается в том, что такой подход, напротив, наносит их суверенитету ущерб, позволяя их партнерам продвигать в регионе свои интересы. ⁵ Несмотря на различные трактовки, сам феномен, по общему мнению, состоит в том, что центральноазиатские государства стремятся поддерживать независимость своей политики схожим образом – посредством многовекторного подхода, поддерживая баланс в своем сотрудничестве с внешними (противоборствующими) игроками и избегая позиции сателлита одного из них.

Более глубокое понимание происходящих в данной региональной подсистеме процессов требует учета особенностей и контекста политики как самих субъектов этой подсистемы, так и внешних акторов.

I.

Среди государств Центральной Азии наиболее активную позицию по вопросам международного сотрудничества в сфере безопасности занимает *Казахстан*. Благодаря своему президенту Н.Назарбаеву это государство является одним из локомотивов евразийской интеграции, входит в ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС. Последние две организации, согласно военной доктрине страны, имеют приоритетное значение для обеспечения, соответственно, военной безопасности и борьбы с терроризмом.

Основным партнером Казахстана в сфере безопасности является Россия. Как в многостороннем, так и в двустороннем формате страны регулярно проводят совместные учения, спецоперации по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и нелегальной миграцией, сотрудничают в сфере подготовки военных кадров. Российская Федерация арендует космодром Байконур до 2050 г. и использует узел Балхаш как элемент российской системы предупреждения о ракетном нападении.

Казахстан также сотрудничает с США и НАТО в сферах подготовки кадров и технического переоснащения вооруженных сил. В стране создан региональный центр НАТО по борьбе с терроризмом, в задачи которого вошла подготовка сотрудников центральноазиатских спецслужб. Главным направлением сотрудничества, однако, является транзит грузов альянса в Афганистан и обратно.

По украинскому кризису президент Казахстана в целом занял более четкую позицию, чем его коллег из ряда других постсоветских государств, хотя она и не полностью идентична российской. По мнению Н.Назарбаева, украинские власти сами довели население до протестных выступлений многолетним педалированием антироссийской риторики. Описывая процесс смены власти в стране в результате Евромайдана, казахстанский лидер отметил, что «...Майдан, где вмешались европейские государства, Соединенные Штаты Америки и фактически привели экстремистов, неонацистов во власть».⁶ Относительно статуса Крыма Н.Назарбаев отметил, что Украина не подписала соглашения о границе с Россией и случившееся закономерно, учитывая многолетнее ущемление в стране русскоязычного населения.

В основе политики безопасности *Кыргызстана* лежит поддержание баланса между разнонаправленными интересами России, Китая и США, о чем говорится и в Концепции национальной безопасности страны.⁷ Исходя из этого Кыргызстан связывает свою безопасность и противодействие внешним угрозам в первую очередь с укреплением отношений России и Китая и взаимодействием по линии СНГ, ОДКБ и ШОС.

До смены власти в Кыргызстане в 2010 г. приоритеты во внешнеполитической линии Кыргызской республики были расставлены несколько иначе. США и НАТО занимали в ней более высокое положение. Авиабаза в Манасе фактически использовалась как аргумент в переговорах с Россией. Пришедшие к власти в стране политические лидеры вначале продолжили эту политическую линию – было заключено новое соглашение с США, по которому договор аренды Центра транзитных перевозок в Манасе был продлен до 2014 г. Однако после погашения Россией долга по военным объектам и согласия на повышение арендной платы за их использование президент Кыргызстана (с декабря 2011 г.) А.Атамбаев принял и привел в жизнь окончательное решение о прекращении использования американскими военнослужащими аэропорта Манас.

Одним из факторов развития сотрудничества Кыргызстана с Россией было заключение в 2012 г. соглашений об участии последней в строительстве и эксплуатации Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС.

Эти проекты способствовали обострению противоречий в отношениях Бишкека с Ташкентом, которые и без того осложнены межнациональными конфликтами в Ферганской долине, в 2010 г. вылившимися в кровопролитие между этническими киргизами и узбеками на юге Кыргызстана (в Оше, Джелал-Абаде и т. д.).

До сих пор не решены вопросы делимитации и демаркации киргизско-узбекской границы, на почве которых регулярно происходят разного рода конфликтные инциденты. В конце августа 2016 г. две страны подписали протокол о проведении совместных обследований границы, но ситуация далека от разрешения.

Политика *Таджикистана* в области безопасности уходит корнями в гражданскую войну 1992–1997 гг. Для этой страны, обделенной при разделе имущества советской армии и имевшей вооруженные силы, состоящие из формирований Народного фронта, важнейшими факторами безопасности на первом этапе являлись членство в СНГ и ДКБ, а также дислокация на ее территории российской 201-й мотострелковой дивизии. Миротворческий контингент под эгидой Содружества Независимых Государств сыграл важную роль в завершении конфликта, наравне с действиями России и Узбекистана (во взаимодействии с ООН, Ираном и США) по организации мирных переговоров с вооруженной исламской оппозицией и их успешному завершению.

До 2004 г. охрана государственной границы республики также осуществлялась российскими войсками. Несмотря на вывод российских пограничников, в Таджикистане остается российская 201-я военная база, которая также использует аэропорт Айни.

В политике *Узбекистана* в течение последних 25 лет, пожалуй, наиболее наглядно по сравнению с другими центральноазиатскими республиками проявлялась политика лавирования между двумя основными центрами силы, борющимися за влияние в регионе. От участия в коллективных миротворческих силах СНГ страна пришла к выходу из ОДКБ, вступления в ГУАМ и размещения военной базы США. После осуждения американскими властями подавления властями Узбекистана беспорядков в Андижане (май 2005 г.) и последовавшего резкого охлаждения отношений с США и Западом, Ташкент вновь вступил в ОДКБ, откуда снова вышел в 2012 г., когда его отношения с США стали вновь улучшаться, в том числе в свете перспектив расширения транзита грузов, связанных с военным присутствием США и НАТО в Афганистане.

Хотя официально очередной выход Узбекистана из ОДКБ объяснялся его несогласием с планами ОДКБ на афганском направлении и в отношении усиления военного сотрудничества стран организации,⁸ среди других, не менее важных мотиваций следует отметить нежелание ОДКБ вмешаться в этнический конфликт между киргизским и узбекским населением на юге Кыргызстана в 2010 г., а также подписание Москвой и Бишкеком контракта на строительство Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС.

Премьер Узбекистана Шавкат Мирзиёев, временно исполняющий после смерти Ислама Каримова обязанности президента (с 8 сентября 2016 г.), поспешил заявить о продолжении политики своего предшественника, в том числе «неприсоединения к любым военно-политическим блокам, недопущения размещения военных баз и объектов других государств на территории

Узбекистана», а также пребывания узбекских военнослужащих за пределами страны.⁹

Для *Туркменистана*, имеющего утвержденный ООН нейтральный статус, основными угрозами безопасности являются трансграничный экстремизм и терроризм, связанные с ситуацией в соседнем Афганистане. Несмотря на то, что страна поддерживает военно-техническое сотрудничество с Россией и странами НАТО, Ашхабад отказывается от размещения на своей территории военных объектов.¹⁰

В Ашхабаде действует Региональный центр ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии, призванный «оказывать помощь правительствам Туркменистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в наращивании потенциала по мирному разрешению споров и предотвращению конфликтов путем диалога и привлечения международной поддержки», а также «в борьбе с такими угрозами, как терроризм, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность, деградация окружающей среды и другими вызовами».¹¹

В октябре 2012 г. Ашхабад и Ташкент договорились о разработке согласованных мер по обеспечению безопасности своих границ с Афганистаном.¹²

Туркменские власти последовательно воздерживаются от выражения позиции по международным конфликтным ситуациям, в том числе на постсоветском пространстве.

II.

Теракты в Казахстане и Кыргызстане летом 2016 г. заставляют, однако, задуматься об эффективности проводимой странами региона политики безопасности. Несмотря на то, что эти атаки принесли меньше жертв, чем акции в Ницце или Париже в ноябре 2015 г., они могут стать предвестниками даже более тяжелой ситуации, учитывая недавний опыт волнений на социально-политической, этнической и этно-религиозной почве в центральноазиатских государствах.

В Казахстане, традиционно считавшемся одним из самых безопасных и стабильных государств региона, в 2016 г. произошли события, которые заставляют провести определенную переоценку этого статуса. Помимо уже упомянутых терактов, это массовые «земельные митинги», организованные пивным магнатом Тохтаром Тулешовым с целью «дискредитировать действующую власть» и занять пост вице-президента. Они показали, как достаточно легко можно взбудоражить людей, возбудить протестные настроения и запустить кампанию в СМИ даже без значимого повода.

Исторический контекст совершенных террористических атак в Актобе и Алма-Ате также представляет пищу для размышлений об эффективности борьбы с экстремистской и террористической деятельностью в Казахстане. 5 лет назад в том же Актобе, а также Астане и Атырау были произведены взрывы, после чего М.Шибутуов и В.Абрамов в своем докладе «Терроризм в Казахстане — 2011–2012

г.» заявили о том, что инкубационный период терроризма в Казахстане завершен и стоит ждать еще более сильной волны терроризма.¹³

Характер акций 2016 г., однако, говорит о том, что все же на новый этап своего развития террористические организации в стране еще не перешли и их действия пока направлены против государственных структур. Это можно объяснить также тем, что эти объединения ставят целью захват власти путем в том числе атак на гражданское население, что снижает их привлекательность для потенциальных новых членов. В настоящее время у таких радикальных группировок недостаточно ресурсов, в том числе людских, для того, чтобы хоть как-то приблизиться к достижению своих целей.

В Таджикистане в Согдийской области по подозрению в причастности к террористическим и экстремистским организациям только за первое полугодие 2016 г. было задержано 130 человек, а 349 объявлены в розыск.¹⁴ Были усилены меры безопасности в аэропортах, самолетах и на железнодорожном транспорте. Для сравнения: за весь 2014 г. во всем Таджикистане по этим обвинениям было задержано немногим более 150 человек.¹⁵

В мае 2015 г. стало известно о том, что командир ОМОН МВД Таджикистана Г.Халимов воюет на Ближнем Востоке на стороне террористической организации «Исламское государство» (ИГ). В распространенном им видеоролике он призвал население страны, в том числе таджикских мигрантов, работающих за границей (и прежде всего в России), вступить в ряды ИГ, в том числе для борьбы с режимом Э.Рахмона.

В 2015 г. в экстремистской и террористической деятельности была обвинена Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Эта организация входила в Объединенную таджикскую оппозицию (ОТО), которая в период Гражданской войны противостояла силам Народного фронта и президенту Э.Рахмону, а после ее завершения и национального примирения была интегрирована в парламент и органы исполнительной власти страны в качестве легальной оппозиционной силы.

Давление на ПИВТ началось после нападения на центральный аппарат Министерства обороны в Душанбе и ОВД города Вахдат 4 сентября 2015 г., которое было квалифицировано как попытка государственного переворота под руководством заместителя министра обороны Таджикистана Абдухалима Назарзода, в период гражданской войны воевавшего на стороне ОТО. В организации переворота была обвинена ПИВТ, не преодолевшая ранее на выборах 5-процентный барьер. Помимо сторонников А.Назарзода к лишению свободы по этому делу были приговорены 25 членов ПИВТ, а ее лидер Мухиддин Кабири объявлен в международный розыск.¹⁶

В мае 2016 г. ООН призвала «немедленно освободить заключенных, арестованных по политически мотивированным обвинениям», в том числе членов ПИВТ, на что со стороны таджикского руководства поступило заявление, что политических мотивов в этих обвинениях нет.¹⁷

Неоднозначность борьбы с экстремизмом и терроризмом в Таджикистане усиливается вступлением в силу поправок в таджикскую конституцию, дающих право Э.Рахмону, утвердившему для себя через референдум статус «лидера нации», избираться президентом бесконечное количество раз, а его сыну – занять этот пост в 2020 г. (что теперь позволяет снижение минимального возраста для кандидата с 35 до 30 лет). В последние два года в Таджикистане таким образом даже реально существующая угроза насильственного экстремизма была «переформатирована», раздута и использована руководством страны для укрепления авторитарной формы правления.

Однако выведение из легального политического поля единственной достаточно влиятельной оппозиционной силы, скорее, будет только способствовать дестабилизации ситуации в стране. По заявлению самого Э.Рахмона, уже более 1000 таджикских граждан присоединились к ИГ в Сирии и Ираке.¹⁸ Есть большая вероятность того, что, лишаясь легальных инструментов влияния на власть, все большее число таджиков будет идти той же дорогой, а затем последует призывам Г.Халимова. Практикуемое сотрудниками таджикского МВД принудительное бритье бород вряд ли может рассматриваться в качестве эффективного инструмента борьбы с радикализацией общества.

Проникновение религиозного радикализма и экстремизма в жизнь Кыргызстана также идет полным ходом. Правоохранительные органы страны заявляют о 508 гражданах своей страны, уехавших воевать на стороне террористических группировок в Сирии и Ираке. Кроме того, официально сообщается о 266 раскрытых преступлениях, связанных с вербовкой и наемничеством, и 360, связанных с распространением экстремизма, и это только за 2015 г.¹⁹

Взрыв у посольство КНР в Бишкеке 30 августа 2016 г. лишний раз свидетельствует об актуальности террористической угрозы как для Кыргызской Республики, так и для региона в целом. Расследованием теракта занялись спецслужбы ШОС.

Переворот и ошские этнические погромы 2010 г. вновь напомнили о себе в 2016 г., когда 12 июня под давлением международного сообщества А.Атамбаев отменил приговоры двух судов по делу правозащитника Азимжана Аскаророва, осужденного на пожизненный срок за разжигание межнациональной вражды и соучастие в убийстве милиционера, и в апелляционном порядке отправил его на рассмотрение в Чуйский областной суд.

Дело А.Аскаророва, в период правозащитной деятельности добившегося увольнения милиционеров за 8-месячные издевательства над беременной девушкой в СИЗО, стало рычагом политического воздействия на власти Кыргызстана. США в 2015 г. заочно наградили заключенного премией «Защитник прав человека», что вызвало резкую реакцию Кыргызстана и даже разрыв соглашения о сотрудничестве двух стран. В апреле 2016 г. Комитет по правам человека ООН официально обратился к руководству страны с призывом

освободить А.Аскарова, и за два дня до визита в Бишкек канцлера ФРГ А.Меркель президент А.Атамбаев принял упомянутое выше резонансное решение. Поскольку А.Аскарков – этнический узбек, а убийство милиционера произошло в ходе межэтнического конфликта 2010 г., в Кыргызстане решение А.Атамбаева активизировало националистически настроенную часть населения и милиции.

Кроме того, президент Кыргызстана все более жестко высказывается о своих бывших соратниках по временному правительству (пришедшему к власти в результате свержения президента К.Бакиева в апреле 2010 г.), призывающих его не менять конституцию. В обращении А.Атамбаева к народу на праздновании 25-летия кыргызской независимости фактически звучали угрозы в адрес бывших коллег по временному правительству, причем некоторые из них, по словам президента, «должны рано или поздно ответить и за мародерство, и за банковские ячейки, и за подстрекательство сепаратистов во главе с Кадыржаном Батыровым [крупный узбекский олигарх на юге страны, вооруженные формирования которого при попустительстве и негласной поддержке со стороны временного правительства в Бишкеке выступили против киргизских сил – сторонников бежавшего президента К.Бакиева, спровоцировав тем самым антиузбекские погромы – прим. ред], и за организацию его побега, и за использование некоторыми членами ВП служебного положения для незаконного обогащения».²⁰

В целом специфика ситуации, сложившейся в странах региона, ставит непростые вопросы перед международными организациями, созданными в том числе для обеспечения региональной безопасности.

III.

Проблема безопасности стала одной из главных тем заседания Совета глав государств СНГ в Бишкеке 16–17 сентября 2016 г. На саммите были приняты Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017–2019 гг. и Программа сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий (на 2016–2020 гг.). Эти документы, несомненно, актуальны и важны, однако сам формат СНГ сегодня вызывает все больше вопросов. Даже на самом саммите главы государств подняли тему реформирования этой организации, а Н.Назарбаев в основном говорил об СНГ в прошедшем времени и заключил, что оно может остаться площадкой для диалога.²¹

Деятельность СНГ в сфере безопасности, за исключением, возможно, ее антитеррористического аспекта, сегодня действительно можно оценивать как исторический этап формирования современной архитектуры региональной безопасности на постсоветском пространстве. Об интегрированности вооруженных сил государств–членов организации говорить не приходится. Объединенная система ПВО и ряд подобных проектов в настоящее время фактически существуют в формате ОДКБ.

Можно сказать, что антитеррористический центр (АТЦ) является последним органом Содружества, который объединяет его участников для решения проблем безопасности. Однако и он выглядит, скорее, артефактом, хотя и из недалекого прошлого, чем органом, в полной мере отвечающим насущным нуждам безопасности своих членов. Участие в его деятельности Молдовы, не имеющей общих границ ни с одной из стран СНГ, или Азербайджана, который находится в отношениях постоянно нарушаемого перемирия с Арменией, вызывает некоторые вопросы относительно потенциала АТЦ.

Несмотря на некоторый опыт миротворческой деятельности организации (в том числе во время гражданской войны в Таджикистане) на первом этапе ее существования, к 2016 г. она подошла в состоянии, когда из нее вышли Грузия и Украина, вооруженные конфликты в которых не вызвали какой бы то ни было вразумительной реакции со стороны Содружества. Более того, обе эти страны, как и Молдова, де-факто утратили свою территориальную целостность, задача сохранения которой была одной из основных движущих сил их вступления и участия в СНГ. В 2009 г., когда были созданы Коллективные миротворческие силы ОДКБ, СНГ фактически утратило и миротворческую функцию.

Организация Договора о коллективной безопасности, в отличие от СНГ, имеет более четкую, консолидированную и понятную основу. Если абстрагироваться от деклараций и сосредоточиться на реалиях, эта основа сводится к тому, что Россия выступает гарантом безопасности для своих союзников и оказывает им содействие в модернизации армии и повышении обороноспособности в обмен на сохранение влияния в регионе и на то, чтобы в нем не допускалось усиления ее геополитических соперников.

Долгое время камнем преткновения в отношениях России и ее центральноазиатских союзников, в том числе в контексте ОДКБ, являлся вопрос размещения на их территории иностранных военных объектов. Однако вскоре после объявления Узбекистаном о выходе из организации в июне 2012 г. государства-члены ОДКБ подписали протокол, предусматривающий, что они будут принимать решения о размещении таких объектов только после проведения неотложных консультаций между собой и в отсутствие официальных возражений.²² Вкупе с закрытием американского Центра транзитных перевозок в Манасе этот документ демонстрирует успешность российской политики закрепления в регионе в качестве основного гаранта военной безопасности.

Статья 2 Договор о коллективной безопасности закрепляет механизм коллективной безопасности, постулируя, что «в случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности государства-участники будут незамедлительно приводить в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы».²³

Однако нацеленность ОДКБ на обеспечение коллективной обороны от внешних угроз мало способствует решению проблем внутригосударственного и внутрирегионального трансграничного насилия, периодические инциденты которого в ОДКБ даже не вызывают серьезных обсуждений). Ни две насильственные смены власти в Кыргызстане (в 2005 и 2010 гг.), ни межэтнические столкновения на юге этой страны весной 2010 г., ни конфликт между Бишкеком и Ташкентом за контроль над водными ресурсами не стали объектами работы организации. Хотя, на учениях КМС ОДКБ «Нерушимое братство – 2016» впервые отработывался сценарий «цветной революции», переросшей в вооруженный межэтнический конфликт, в целом роль ОДКБ как инструмент создания внутрирегионального пространства стабильности и безопасности остается ограниченной.

Возможно ли возложение такой миссии на ШОС? В настоящих условиях это вызывает большие сомнения. Присоединившиеся к организации в 2016 г. Индия и Пакистан преследуют в основном экономические интересы, как и КНР. В течение 15 лет существования ШОС Китаю, в плане расширения функций организации в области безопасности, было вполне достаточно формирования ее антитеррористического направления, которое обеспечивает возможность совместной борьбы с угрозой терроризма со стороны уйгурских сепаратистов. В ШОС, как и в СНГ, реализуется программа антитеррористического сотрудничества, согласовывается проект Конвенции по борьбе с экстремизмом. Естественно, что КНР и Россия как члены ШОС активно подключились и к расследованию взрыва у китайского посольства в Бишкеке в 2016 г.

Политика КНР в первую очередь направлена на формирование гармоничного мира внутри пространства ШОС и между ее участниками, размывание экономических границ между странами региона. Обеспечение региональной безопасности в данном контексте является сопутствующей, но не основной целью, поэтому военно-политического союза из ШОС не получится. Если коллективное осуждение действий США и НАТО на дипломатическом уровне в рамках ШОС активно практикуется (например, по размещению ПРО НАТО в Восточной Европе), то выработка общей позиции по сложным вопросам, напрямую касающимся ее членов, либо приводит к весьма размытым и обтекаемым формулировкам (по конфликту в Южной Осетии/Грузии 2008 г.), либо вообще не производится (например, по инцидентам вооруженного насилия внутри Кыргызстана и Узбекистана).

Учитывая тот факт, что Китай до настоящего момента придерживался позиции неучастия в зарубежных конфликтах и неразмещения военных объектов за рубежом (строительство первой китайской военной базы в Джибути началось лишь в 2016 г.), отсутствие явно выраженного согласия Пекина с действиями Москвы по отношению к Крыму, Южной Осетии и Абхазии воспринимается Россией спокойно.

Однако военная реформа Си Цзиньпина, направленная на модернизацию китайской армии не только в традиционно оборонительных целях, но и в целях подготовки к проведению заграничных операций теоретически, в перспективе привести к тому, что КНР составит конкуренцию России как внешнему гаранту безопасности в Центральной Азии. Этому будут способствовать и экономические рычаги Пекина, которые превосходят российские. Первым звонком возможного постепенного расширения роли КНР в обеспечении безопасности в Центральной Азии стало создание в феврале 2016 г. двустороннего китайско-таджикского АТЦ.²⁴

Тем не менее в настоящее время интересы России и Китая близки, а в чем-то даже совпадают, и в любом случае, скорее, дополняют друг друга, чем вступают в противоречие. Одним из них является сдерживание американского влияния в центральноазиатском регионе.

После потери баз в Узбекистане и Кыргызстане, а также осложнения отношений с последним США потребовалась перезагрузка внешней политики в регионе. В 2015 г. в Самарканде прошла первая встреча государственного секретаря США с министрами иностранных дел пяти стран Центральной Азии, ознаменовавшая собой начало функционирования формата «С5+1». На втором саммите в Вашингтоне в 2016 г. было объявлено о старте пяти проектов, в том числе проекта по борьбе с терроризмом, в основе которого – налаживание диалога с созданным по инициативе США еще в 2011 г. Глобальным контртеррористическим форумом.

С одной стороны, обещанный США финансовый вклад в эти проекты составил 15 млн долл., что сложно назвать масштабными инвестициями. С другой стороны, есть ряд факторов, которые требуют серьезного отношения к «С5+1».

Во-первых, в нем приняли участие все пять центральноазиатских государств, включая нейтральный Туркменистан, стремящийся стать таковым Узбекистан и Кыргызстан (несмотря на то, что в 2015 г. он разорвал договор о сотрудничестве с США).

Во-вторых, этот проект имеет достаточно определенный посыл со стороны Вашингтона. Так, открывая первую встречу МИД «С5+1» Дж.Керри заявил: «Мы должны ясно понять, что нет дружбы с одной страной, по крайней мере она не должна ограничивать возможности дружбы с другой страной. Это не игра. <...> Республики Центральной Азии должны быть свободными от внешнего давления и запугивания».²⁵ Намек на зависимость от России, обернувшуюся из-за американских же санкций экономическими проблемами для стран Центральной Азии, видимо, упал в благодатную почву. Ранее в том же 2015 г. заместитель генерального секретаря НАТО А.Вершбоу заявил о том, что альянс должен поддержать Украину, Грузию и Молдову, для того чтобы они смогли противостоять «запугиванию» со стороны России.²⁶

Таким образом, выстраивается новая линия поведения США и НАТО в отношениях со странами СНГ. Стремление поддерживать многовекторность для

центральноазиатских государств, у которых, в отличие Молдовы, Украины и Грузии, нет конфликтов с Россией, может в перспективе обернуться схожими с этими странами политическими сценариями.

IV.

Какую роль могут сыграть действующие в регионе международные организации? В общем, можно говорить, о том, что таких организации две – ОДКБ и ШОС.

Содружество Независимых Государств в настоящих условиях в лучшем случае может считаться площадкой для диалога. Однако и с этой функцией оно не справляется, поскольку в этом формате никак не продвигается решение ни водного конфликта между Кыргызстаном и Узбекистаном (ни каких-либо других конфликтов на постсоветском пространстве).

Опыт ОДКБ по обеспечению коллективной обороны можно назвать успешным, если учесть регулярно предотвращаемые проникновения террористов и организованных криминальных элементов через границы государств-участников. Однако, несмотря на это и на достаточно высокую степень кооперации в военно-технической сфере, ОДКБ, как и СНГ, не нацелена на решение споров между его участниками. Отчасти именно по этой причине организацию покинул Узбекистан. Достигнутое отсутствие на территории государств – членов ОДКБ иностранных военных объектов также не восполняет вакуум безопасности как между центральноазиатскими странами во внутрорегиональном контексте, так и внутри этих стран.

ШОС также обходит корневые проблемы безопасности региона стороной, признавая их внутренними делами государств. ШОС имеет асимметричное значение для двух ее государств-лидеров. Россия стремится использовать политический потенциал ШОС для придания своей позиции по вопросам глобальной повестки дня большего авторитета за счет согласования ее с КНР. Для последней же это в большей мере инструмент реализации региональных экономических проектов. Сегодня это, в первую очередь, Экономический пояс Шелкового пути. Общими для Китая и России интересами являются поддержание политической стабильности в Центральной Азии и сдерживание влияния США в этом регионе.

Тем не менее инициированный Вашингтоном в 2015 г. формат «С5+1», судя по составу участников, привлекателен для стран региона. Масштаб заявленных в его рамках проектов вряд ли представляет большую проблему, но примечателен тот факт, что это единственный сегодня формат, кроме доживающего свой век СНГ, который объединяет все пять центральноазиатских государств. Представляется, что эта инициатива будет использоваться ими для поддержания многовекторности во внешней политике и безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алтамбаева Ж. О салафитах в Казахстане: «Еще несколько терактов, и возможны погромы» // ИА «Regnum». 17.08.2016. <https://regnum.ru/news/society/2168081.html>.

² «Теракт в Алма-Ате – дело рук всего одного человека» // ИА «Regnum». 18.07.2016. <https://regnum.ru/news/accidents/2158369.html>.

³ Теракт в посольстве Китая в столице Киргизии совершил уйгурский экстремист // ИА «Regnum». 06.09.2016. <https://regnum.ru/news/accidents/2175939.html>.

⁴ Богатуров А. Отложенный нейтралитет? Центральная Азия в международной политике // Россия в глобальной политике. 2010. № 2. С. 16.

⁵ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.

⁶ Выступление Н.Назарбаева о Крыме, об Украине. <https://www.youtube.com/watch?v=ZgKVNAAD6oA>.

⁷ Атамбаев утвердил Концепцию национальной безопасности Кыргызстана // Газета «Вечерний Бишкек». 12.06.2016. http://www.vb.kg/doc/191597_atambaev_ytverdil_koncepciu_nacionalnoy_bezopasnosti_kyrgyzstana.html.

⁸ См.: Узбекистан вышел из ОДКБ // Российская газета. 29.06.2012. <https://rg.ru/2012/06/29/uzbekistan-site.html>.

⁹ Шавкат Мирзиёев не видит Узбекистан в ОДКБ – СМИ // Новостное агентство «Sputnik». 10.09.2016. <http://ru.sputnik.kg/asia/20160910/1029118380.html>.

¹⁰ Старчак М. США vs. Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 2 (62). С. 95–102.

¹¹ Руководитель Регионального центра ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии приступил к исполнению своих обязанностей // Центр новостей ООН. 09.06.2008. <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=9765#.UMr9hPIGdL0>.

¹² Лидеры Узбекистана и Туркменистана обсудили ситуацию в Афганистане // Информационно-аналитический портал «NATO.bz». 03.10.2012. <http://www.nato.bz/ru/news/20121003/05122.html>.

¹³ Абрамов А., Шибатов М. Терроризм в Казахстане – 2011–2012 гг. // Интернет-журнал «Власть». 28.11.2012. https://vlast.kz/obsshestvo/doklad_o_situacii_s_terrorizmom_v_kazahstany_v_2011_2012_godah-1028.html.

¹⁴ На севере Таджикистана за полгода задержаны 130 подозреваемых в экстремизме // ИА «Regnum». 14.07.2016. <https://regnum.ru/news/polit/2157184.html>.

¹⁵ 11 граждан Таджикистана осуждены на сроки до 19 лет за участие в «Исламском движении Узбекистана» // ИА «Regnum». 19.12.2014. <https://regnum.ru/news/polit/1878611.html>.

¹⁶ Генпрокуратура: в мятеже Ходжи Халима были все признаки госпереворота // Интернет-портал «Радио Озоди». 04.08.2016. <http://rus.ozodi.org/a/27899441.html>.

¹⁷ ООН вновь призвала страны Центральной Азии не ущемлять права человека в ходе борьбы с экстремизмом // ИА «Фергана». 15.09.2016. <http://www.fergananews.com/news/25326>.

¹⁸ Рахмон: «Более 1000 таджиков воюют в Сирии и Ираке» // Интернет-портал «Радио Аззатык». 25.01.2016. <http://rus.azattyk.org/a/tajikistan-more-than-thousand-fighters-syria-iraq/27508035.html>.

¹⁹ Из Киргизии в зоны боевых действий выехали 508 граждан // ИА «Regnum». 15.01.2016. <https://regnum.ru/news/polit/2055280.html>.

²⁰ Алмазбек Атамбаев: Кыргызстан состоялся как государство // Газета «Слово Кыргызстана». 02.09.2016. <http://slovo.kg/?p=74626>.

²¹ Назарбаев об СНГ: «Все пошло не так, как мы хотели» // Информационно-аналитический портал «Информ-бюро». 23.06.2016. <https://informburo.kz/novosti/nazarbaev-ob-sng-vsyo-poshlo-ne-tak-kak-my-hoteli.html>.

²² См.: СФ ратифицировал протокол о военной инфраструктуре стран ОДКБ // РИА «Новости». 31.10.2012. http://ria.ru/defense_safety/20121031/908169574.html.

²³ Договор о коллективной безопасности // Официальный сайт МИД РФ. <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/3a813e35eb116963432569ee0048fdbef7b26f92ab3bc6b0843256b0b0027825a?OpenDocument>.

²⁴ См.: Князев А. КАРТ-БЛАНШ. Китай приступает к созданию военного альянса в Центральной Азии // Независимая газета. 15.03.2016. http://www.ng.ru/world/2016-03-15/3_kartblansh.html.

²⁵ Керри: США хотят углубить отношения с Центральной Азии без давления других стран // ТАСС. 01.11.2015. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2397965>.

²⁶ НАТО нужно развиваться для усиления Украины – Вершбоу // Укринформ. 19.06.2016. http://www.ukrinform.ru/rubric-lastnews/1856498-nato_nugno_razvivatsya_dlya_usileniya_ukraini_vershbou_1756811.html.